РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

01 2015

12+

Музеи Московского Кремля: *«Карта России — вехи истории»*

РОДИНА
№ 1, январь 2015

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Пасхальное яйцо «300-летие Дома Романовых».
Санкт-Петербург. 1913 г.

Подписаться на журнал «Родина» можно по каталогам: «Роспечати» (индекс 73325), «Почта России» (индекс 63436), Объединённому (индексы 40687, 16398)

Адрес редакции: 127025, Москва, ул. Новый Арбат, 19. Тел. (495) 697 73 98, факс (495) 697 75 98.
E-mail: istrodina@mail.ru

Адрес издателя: 125993, Москва, ул. Правды, 24, стр. 4. Тел. (499) 257 53 62

Зарегистрировано Министерством печати и информации Российской Федерации. Свидетельство № 291 от 24 августа 1994 г.

ISSN 0235-7089

Тираж 8 500 экз.

Отпечатано ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
Заказ № 0695
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел.: (495) 745 84 28, (49638) 20 685
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф

Учредители:
Правительство Российской Федерации
Администрация Президента Российской Федерации

Журнал основан в 1879 году

Издатель ФГБУ «Редакция «Российской газеты»

Генеральный директор ФГБУ «Редакция «Российской газеты»
П. А. Негоица

Главный редактор
В. А. Фронин

Заместитель главного редактора, шеф-редактор журнала «Родина»
И. А. Коц

Наш сайт в Интернете:
rodina.rg.ru

Елена ***БОРИСЁНОК,***
кандидат исторических наук

«КОГДА ТАКОЙ ВОПРОС СТАВИТСЯ, НАЧИНАЮТ РЫЧАТЬ...»

Границы Украинской ССР: территориальные споры 1920-х годов

Политика большевиков привела к возникновению взаимосвязи между этнической идентичностью и административным контролем над территорией[1]. Это существенно затрудняло определение территории республик в пограничных зонах со смешанным населением. Ярким примером может служить территориальное разграничение между УССР и РСФСР в 1920-е годы.

Проблема территориального определения УССР перед советским руководством возникла сразу же после провозглашения в начале 1919 года этой республики. Вопрос был не простым: в 1918-м, при гетмане П. П. Скоропадском власть Украины распространилась, в частности, на ряд уездов, входивших ранее в Курскую губернию[2]. 27 января 1919-го, рассмотрев вопрос о границах с РСФСР, правительство УССР тоже решило «подать запрос через т. Чичерина в Совнарком РСФСР о включении Белгородского и Грайворонского поветов в состав Харьковской губернии и передаче всех поветов Черниговской губернии». Однако ещё 22 января Курский губчрезвычком телеграфировал украинскому правительству, что освобождающиеся уезды подчиняются своему губернскому центру[3]...

14 февраля киевские советские власти отправили было своих делегатов в Москву, но 16-го глава правительства (и одновременно нарком иностранных дел) УССР Христиан Раковский телеграфировал главе НКИД товарищу Чичерину: «Украинское рабоче-крестьянское правительство отказывается от какой либо юрисдикции над этими уездами»[4]. 25-го при экономическо-правовом отделе НКИД состоялось межведомственное совещание по вопросам выделения Гомельской губернии и установления границ с Украиной, на котором границами между УССР и РСФСР были утверждены (за исключением северной части Черниговской губернии) довоенные границы между губерниями, а Перекопский перешеек стал границей между Украиной и Крымом[5]. 28 апреля политбюро ЦК КП(б)У, рассмотрев вопрос «О северных уездах Черниговской губернии», постановило «окончательно оставить их в составе России»[6].

А ещё раньше, 10 марта 1919-го, украинский СНК утвердил договор о границах с РСФСР, по которому государственными границами УССР фактически признавались административные границы девяти губерний Российской империи (Киевской, Херсонской, Подольской, Волынской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Таврической).

П. П. Скоропадский.

Однако в первой половине 1920-х годов территория УССР неоднократно подвергалась корректировке.

Уже в 1920-м она расширилась. 15 марта председатель Совета Украинской Трудовой армии И. В. Сталин подписал постановление об образовании из частей Харьковской и Екатеринославской губерний и Области Войска Донского Донецкой губернии. 23-го ВЦИК подтвердил это решение[7], а 16 апреля Президиум Всеукраинского ЦИК (ВУЦИК) утвердил границы и состав Донецкой губернии. Из Области Войска Донского в неё вошли Гундоровская, Каменская, Калитвенская и Усть-Белокалитвенская станицы и Карпово-Обливская волость Донецкого округа, Владимирская, Александровская, Мало-Несветаевская и Нижне-Кременская станицы Черкасского округа, Казачьи лагеря и Таганрогский округ[8]. Донские власти попытались возражать, но 26 апреля ВЦИК «признал необходимым выделить Донецкий каменноугольный район в особую Донецкую губернию»[10], а через два дня из Москвы была направлена телеграмма Донисполкому, в которой предлагалось «в точности выполнить» указанное постановление[11].

Однако борьба за пограничные территории на этом не закончилась[12]. Претензии оставались не только у местных властей РСФСР, но и у украинского республиканского руководства — рассчитывавшего расширить границы УССР на севере. С 1921 года Краевой экономический совет Юго-Востока России поднимал вопрос о возвращении «поспешно отделённых от него Таганрогского, Александро-Грушевского и Каменского районов»[13]. Госплан в декабре 1922-го пришёл к выводу о необходимости образования, в числе других экономических районов, и Юго-Восточной области с центром в Ростове-на-Дону — что вновь ставило вопрос о возвращении Таганрога. В ответ в начале 1923 года украинские руководители предложили присоединить к Минской губернии БССР часть Словечанской и Юровской волостей Коростенского уезда Волынской губернии[14], а взамен почему-то потребовали от РСФСР значительную часть Курской, Воронежской и Брянской губерний[15].

В апреле 1924-го, постановлением Президиума ЦИК СССР, была создана специальная комиссия по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР. Комиссия работала долго, и заседания её проходили в ожесточённых спорах. Вокруг проблемы границ УССР развернулась упорная борьба партийного начальства двух республик.

11 июля 1924 года политбюро ЦК РКП(б) решило присоединить Таганрогский и Александро-Грушевский (Шахтинский) округа к РСФСР, ко вновь создававшемуся Северо-Кавказскому краю[16]. А 23 января 1925-го комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ между УССР и РСФСР приняла «окончательную редакцию решения комиссии по вопросам о границах между УССР и РСФСР». Из Курской губернии в состав УССР включили лишь южную часть Муромской волости Белгородского и южную часть Грайворонской волости Грайворонского уезда, а из Воронежской губер-

нии — лишь Троицкую и часть Уразовской волости Валуйского уезда[17]. То есть к УССР отошло меньше территории, чем рассчитывали украинские руководители. Впрочем, последние не оставили мысли о расширении границ республики.

Ситуация обострялась тем, что в июне 1923-го, на XII съезде РКП(б), был взят курс на коренизацию. Украинизационная политика республиканского руководства (активизировавшаяся после приезда в УССР Лазаря Кагановича) вызывала недовольство русского населения. На III Всесоюзном съезде Советов в мае 1925 года Юрий Ларин поднял вопрос о положении русских на Украине[18]. Заявив о существовании «русского вопроса» на Украине, он подчёркивал, что русские имеют право на защиту своих интересов: «каждое национальное меньшинство любой республики, т. е. русские, поляки и евреи на Украине и в Белоруссии, русские — в Киргизии, украинцы на Кубани, украинцы в Воронежской губернии, белорусы в Гомельской губернии, — вообще каждое национальное меньшинство, населяющее какую-нибудь деревню, город или местечко, словом, какую-нибудь территориальную часть, имеет право выделиться в отдельный территориальный совет с делопроизводством на своём родном языке»[19].

Выступление Ларина вызвало недовольство властей УССР — которые, в свою очередь, решили поднять вопрос о положении украинцев в РСФСР. Летом 1925-го в газете «Вісті ВУЦВК» появились статьи на эту тему[20]; секретарь ВУЦИК Афанасий Буценко подчёркивал, что 1,5 млн украинцев живут на территориях, непосредственно граничащих с Украиной, но «всё ещё входящих в состав РСФСР», и что эти территории должны принадлежать Украине[21]. 1 сентября 1925-го ВУЦИК принял решение обратиться в ЦИК СССР с просьбой обеспечить правильное развитие культурно-просветительной работы среди украинского населения в союзных республиках, главным образом на территории РСФСР[22]...

Рассуждая о положении украинцев в других республиках, руководство УССР пыталось отвлечь внимание от положения русских на Украине. Между тем дебаты, начатые на III съезде, были продолжены в апреле 1926 года на второй сессии 3-го созыва ЦИК СССР. Функции оппонента руководства УССР вновь взял на себя Ларин[23]. В ответ секретарь ЦК КП(б)У Владимир Затонский стал настаивать, что «русские на Украине не являются нацменьшинством; да этого и не может быть, потому что русская культура слишком велика, обширна, могуча»[24].

Бурная дискуссия показала необходимость окончательно «закрыть» вопрос о статусе русских в УССР, и 19 апреля 1927 года политбюро ЦК КП(б)У признало, что «к числу нацменьшинств на Украине относится также и русской население, обеспечение культурных интересов которого должно проводиться наравне с прочими нацменьшинствами». Впрочем, за русским языком признавалось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского языка в школах и обязательную публикацию правительственных распоряжений, наряду с украинским, также и на русском языке[25]. Но одновременно партийное руководство УССР подчёркивало, что выделять в отдельные административно-территориальные единицы города, являющиеся центрами районов с неукраинским населением, не стоит: это-де может привести к разрыву культурной связи между рабочим классом и крестьянством.

12 июля 1927-го Президиум ВУЦИК одобрил создание девяти русских национальных районов. Обезопасив себя, таким образом, от нападок, руководство УССР продолжало говорить о положении украинцев в РСФСР[26].

Необходимые законодательные акты о работе среди национальных меньшинств в РСФСР были приняты. К примеру, 6 декабря 1926 года Наркомпрос РСФСР принял постановление об активизации работы с украинским и белорусским нацменьшинствами[27], а 6 января 1927-го президиум Воронежского губисполкома постановил украинизировать аппарат трёх волостей Богучарского, Валуйского и Россошанского уездов (Таловской, Николаевской и Ровеньской)[28]. Впрочем, попытка украинизации учреждений народного образования «встретила активное сопротивление со стороны представителей низового партийно-советского руководства и самого украинского населения» — что, конечно, сказывалось на исполнении принятых решений[29].

Однако украинское руководство не оставило мысли «перетянуть» границу с РСФСР в свою сторону. Инициатором выступил известный Николай Скрыпник[30]. В мае 1927 года ЦК КП(б)У направило в ЦК ВКП(б) докладную записку по этому вопросу. Ссылаясь на то, что на непосредственно прилегающей к УССР территории РСФСР оставалось около 2 млн украинцев, живших компактными группами в Курской и Воронежской губерниях и Северо-Кавказском крае, украинский ЦК предлагал передать Украине часть районов Курской и Воронежской губерний (заселённые, по мнению Харькова, украинцами), а также вернуть Украине Шахтинский и Таганрогский округа[31]. При этом украинские коммунисты ссылались на прошедшую в 1926 году перепись. Итоговая протокольная запись гласила: «В связи с тем, что прошедшая Всесоюзная перепись даёт исчерпывающие данные, признать необходимым поставить вопрос в ЦК ВКП(б) о присоединении к Украине приграничных районов с большинством украинского населения. Просить ЦК ВКП(б) создать специальную комиссию»[32]. Однако ЦК ВКП(б) комиссию создавать не спешил[33].

В марте 1928-го Совет национальностей ЦИК СССР по инициативе Скрыпника начал масштабное исследование положения украинцев в РСФСР[34], а через несколько

П. П. Скоропадский и немцы.

XIV партконференция. Н. А. Скрыпник в кепке. Апрель 1925 г.

месяцев политбюро ЦК КП(б)У вновь обратилось к вопросу о границе между УССР и РСФСР. Пользуясь тем, что началась подготовка к созданию Центрально-Черноземной области (ЦЧО), Харьков выдвинул претензии на часть Воронежской и Курской губерний. 18 мая украинское политбюро рассмотрело подготовленный проект докладной записки в ЦК ВКП(б). Украинские лидеры ссылались на «грубое извращение национальной политики партии по отношению к украинскому населению в Курской и Воронежской губерниях», где (как доказывал нарком просвещения Скрыпник) украинизация якобы не проводилась[35]. К тому же, по мнению вождей украинских большевиков, в экономическом плане указанные территории имели «гораздо больше общих черт с приграничными округами УССР». Таким образом, заключало харьковское политбюро, «проведение государственной границы между УССР и РСФСР по этнографическому принципу вполне совпадает с сельскохозяйственными и экономическими районами»[36]. И в секретариат ЦК ВКП(б) было отправлено соответствующее письмо[37].

Делались попытки решить вопрос и окольным путём. Сохранился черновик письма тогдашнего партийного лидера УССР Кагановича Сталину. Лазарь Моисеевич просил заслушать украинских партийных руководителей «по национальному вопросу» — составной частью которого он считал «вопрос о передаче Украине украинских уездов Воронежской и Курской губерний»[38].

14 декабря 1928 года Скрыпник написал статью «О границах УССР», в которой отстаивал необходимость расширения территории Украины. Как писал глава украинского Наркомпроса, образование советских республик путём объединения территорий с мононациональным населением, «было и остаётся путём, которым пролетарская диктатура решает национальный вопрос, уничтожает дореволюционное положение народностей прежней Российской империи». Ведь прежнее «колониальное положение» в первую очередь и заключалось в административной раздробленности угнетаемых народностей[39]. И Скрыпник настаивал, что «никакие принципиальные соображения не служат доказательством того, что УССР не может занимать общую совокупность территории с украинским большинством населения, а обязана ограничиваться дореволюционными «малороссийскими» губерниями плюс Новороссия»[40].

Однако интересы республиканской элиты противоречили интересам центрального руководства (и, прежде всего, Сталина), и обе попытки украинцев оказались безуспешными. Вопрос об «украинских уездах Курщины и Воронежчины» волновал не только партийных руководителей Украины, но и украинскую интеллигенцию, и 12 февраля 1929 года, во время встречи генерального секретаря ВКП(б) с украинскими писателями, Сталину задали и вопрос о судьбе этих территорий. Генсек ответил, что «этот вопрос несколько раз обсуждался» и что решено было ничего не менять: если «слишком часто меняем границы — это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны»[41]. Было упомянуто также, что у «некоторых русских» это изменение границ «вызывает большой отпор» и что с этим «надо считаться». «У нас каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильно украинизировать и т. д.»[42]. А вообще в СССР нет никаких границ: «С точки зрения национальной культуры, и с точки зрения развития диктатуры, и с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и нашей работы, конечно, не имеет сколько-нибудь серьёзного значения, куда входит один из уездов Украины и РСФСР»[43].

Буквально через несколько дней, 20 февраля, обком ВКП(б) утвердил план украинизации ЦЧО, предусматривавший: в Россошанском округе — полную украинизацию аппарата окрисполкомов и 10 районов и частичную — 2 районов; в Острогожском округе — полную украинизацию аппарата окрисполкома и 9 районов и частичную — 5 районов; в Борисоглебском округе — полную украинизацию 2 и частичную — 4 районов[44]. Чуть раньше, в декабре 1928-го, Северо-Кавказский крайком партии принял решение об украинизации советского и партийного аппарата в 37 районах края, в том числе в 12 районах Кубани[45].

Однако Скрыпник не успокоился. На VII Всесоюзном съезде работников просвещения в Москве 5 марта 1929 года он говорил о развитии национальных культур «разбуженных к жизни народов». Чем ниже культурный уровень, «тем больше внимания, тем больше силы и средств требуется уделить этим народам». «Наша задача — создать единый общей культурный уровень, чтобы все народы одинаково могли принимать участие в создании единого социалистического хозяйства нашей страны»[46].

Последним выступление Скрыпника на эту тему состоялось в конце 1932-го. 20 ноября он прислал в редакцию газеты «Коммунист» статью «Украинский национальный вопрос в ЦЧО и Казахстане». О событиях, сопутствовавших публикации этого текста, довольно подробно написал Сталину секретарь ЦК КП(б)У Афанасий Любченко, редактировавший тогда «Коммунист». Скрыпник требовал преимущественных затрат, способов, средств и сил на культурно-экономический подъем украинского трудящегося населения Центральной Чернозёмной области». А невнимание к украинским интересам считал проявлением «российско-великодержавного шовинизма»[47]. Любченко запретил печатать эту статью, но 24 ноября Скрыпник всё же опубликовал её в киевской газете «Пролетарская правда»[48].

В этой статье Скрыпник обращал внимание на «украинский национальный вопрос за границами УССР» — на Северном Кавказе, в Центрально-Чернозёмной области, на Нижней Волге, в Западной Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке. Он подчёркивал, что за границами УССР прожи-

вают 7 миллионов украинцев, и требовал активного проведения украинизации «в местностях с большинством украинского населения»[49]. При этом он полагал, что положение украинцев в РСФСР и в Казахстане, существенно различается. В ЦЧО украинцы «угнетены социально и национально», а в Казахстане они являются «национально угнетённым народом» и одновременно колонистами: «ирония судьбы в том, что украинцы, будучи сами угнетены и бесправны, в Казахстане становились орудием колонизаторской империалистической политики, украинцы, существование которых как народа отрицал царизм, были орудием русификаторской политики этого самого царизма»[50]. Конечно, писал Скрыпник, по сравнению с русскими украинцы в Казахстане «были угнетённой и более отсталой нацией», а по сравнению с казахами — «более развиты культурно и экономически». Поэтому, проводя ленинскую национальную политику, необходимо обращать внимание на уровень национально-культурного развития народа[51].

Однако внимание Любченко привлек следующий пассаж Скрыпника: «Если в ЦЧО не обращают преимущественного внимания на развязывание украинского национального вопроса... то это свидетельствует о наличии там русского великодержавного шовинизма»[52]. Стоит отметить, что Скрыпник писал о возможности появления и украинского шовинизма — если в Казахстане «кто-нибудь претендует на то, чтобы украинцы были объектом преимущественного внимания»[53]. «Если в Казахстане культурное состояние русского населения выше, нежели украинского, и поэтому украинцы требуют большего к себе внимания и расходования средств и сил, нежели русские, то на казахов требуется тратить ещё больше»[54].

Отношение Сталина к подобным настроениям было высказано быстро. 15 декабря 1932 года постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР решительно осудило «выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей, об обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например в ДВК (Дальневосточном крае. — *Е. Б.*), Казакстане, Средней Азии, ЦЧО и т.д.)»[55]. Подобные выступления, считал Сталин, могут только «играть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины как вредные элементы, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу»[56]. Письмо с информацией о принятом постановлении было разослано в национальные ЦК, крайкомы и обкомы, председателям СНК республик и край- и облисполкомов. Всем им рекомендовалось «приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издания на русский язык и к осени 1933 года подготовить переход школ и преподавания на русский язык»[57].

Днём ранее вышло известное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 года «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». ЦК ВКП(б) предложил украинскому руководству «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение её, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации»[58].

В постановлении говорилось также, что украинизацию следует проводить с учетом «конкретных особенностей каждого района» и с тщательным подбором большевистских украинских кадров»[59]. Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому указали, что «легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, небольшевистская украинизация почти половины районов Северного Кавказа, при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов, дала легальную форму врагам советской власти для организации сопротивления мероприятиям и заданиям советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т.д.»[60] Поэтому на Северном Кавказе делопроизводство украинизированных районов и «все издающиеся газеты и журналы» следовало немедленно вести на русский язык — как «более понятный для кубанцев». А к осени в этих районах надлежало перевести на русский язык и преподавание в школах[61].

Последовавшие после постановления чистки и репрессии заставили руководство УССР обратить внимание на проблему собственного выживания. Вопрос о территориальном расширении республики стал уже неактуальным...

Примечания

1. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М. 2011. С. 63.
2. Бойко О. Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П.Скоропадського (1918) // Регіональна історія України. Зб. наук. ст. Вип. 3. Київ. 2009. С. 223–224; Єфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 20. Київ. 2011. С. 148.
3. Єфіменко Г. Указ. соч. С. 149–150.
4. Там же. С. 151.
5. Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ. 1994. С. 123–125; Єфіменко Г. Указ. соч. С. 152.
6. Єфіменко Г. Указ. соч.. С. 153–154.
7. Краткий обзор «Сборника документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области» // Галкин Ю. И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М. 2007. С. 3.
8. Постановление Президиума Всеукраинского ЦИК Советов 16.04.1920 г. // Там же. С. 11.
10. Постановление Президиума ВЦИК об образовании Донецкой губернии 26.04.1920 г. // Там же. С. 12.
11. Телеграмма Донисполкому 28.04.1920г. // Там же. С. 12.
12. О территориальном урегулировании 1923–1925 гг. см.: Борисёнок Е. Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между Украиной и Россией в 1920-е гг. // Родина. 1999. № 8. С. 111–115; Борисёнок Е. Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М. 2005. С. 205–237.
13. ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 393. Л. 11.
14. Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 67.
15. ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 393. Л. 18.
16. Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. С. 57.
17. ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 26. Л. 32.
18. См. подробнее: Борисёнок Е. Пять портретов товарища Рыкова // Родина. 2012. № 7. С. 124–129.
19. Третий съезд Советов СССР. Стенографический отчёт. М. 1925. С. 275.
20. До врегулювання кордонів УРСР з РРФСР // Вісті ВУЦВК. 1925. 11 серпня; Стан української нацменшості в СРСР // Вісті ВУЦВК 1925. 30 липня.
21. Мартин Т. Указ. соч. С 386, 388.
22. Дроздов К. С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933). Дисс. ... канд. ист. наук. М. 2010. С. 57.
23. Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва. Стенографический отчёт. М. 1926. С. 467.
24. Там же. С. 517.
25. Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Вісті ВУЦВК. 1927. 19 квітня.
26. Мартин Т. Указ. соч. С. 395.
27. Дроздов К. С. Указ. соч.. С. 59–60.
28. Коротун С. Н., Толкачёва С. П., Шевченко Е. А. Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. Воронеж. 2012. С. 86.
29. Там же. С. 103–104.
30. Сокирська В. В. Проблема визначення південно-східної частини російсько-українського кордону у 1920-х рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. Вип. XXXVII. С. 113.
31. Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.). С. 70.
32. Сокирська В. В. Указ. соч. С. 113.
33. Там же.
34. Мартин Т. Указ. соч. С. 398
35. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральний державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2673. Л. 80–94.
36. Там же. Л. 36–37.
37. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 120. Л. 57.
38. Там же. Л. 60.
39. Скрипник М. І. Про кордони УРСР // Статті й промови. Т. 2. Ч. 1. Харків. 1929. С. 316.
40. Там же. С. 317.
41. Полный текст стенограммы встречи приведён Ю. И. Шаповалом. См.: Шаповал Ю. Україна XX століття: Особи та події в контексті важкої історії. Київ. 2001. С. 112.
42. Там же.
43. Там же.
44. Коротун С. Н., Толкачёва С. П., Шевченко Е. А. Указ. соч. С. 94–95.
45. Дроздов К. С. Указ. соч. С. 94
46. Скрипник М. Основні завдання культурного будівництва за доби соціялістичної реконструкції країни (доповідь на VII Всесоюзнім з'їзді робітників освіти в Москві 5 березня 1929 р.). Харків. 1929.С. 32
47. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 107.
48. Там же. Л. 108.
49. Скрипник М. О. Українське національне питання в ЦЧО і Казакстані // Пролетарська правда. Київ. 1932, 24 ноября.
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же.
53. Там же.
54. Там же.
55. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5282. Л. 53; См. также: Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. Київ. 2000. С. 104.
56. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5282. Л. 53.
57. Там же.
58. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». 14 декабря 1932 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М. 2005. С. 696, 698.
59. Там же.
60. Там же. С. 697.
61. Там же. С. 698.